

Константин Бургов, Михаил Киселёв

Рец. на: А.К. Smith. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia. N.Y.: Oxford university press, 2014. ix, 278 p*.

Konstantin Bugrov, Mikhail Kiselev

(both – Institute of History and Archaeology, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, and Ural Federal University)

Rec. ad op.: А.К. Smith. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia. N.Y.: Oxford university press, 2014. ix, 278 p.

Проблема сословий в Российской империи довольно активно обсуждается в современной историографии¹. При этом исследователи не ограничиваются вопросом «чем были сословия в истории России?» Так, М. Конфино, ушедший из жизни в 2010 г., скептически относился к самой идее их существования². В одной из последних работ он заявлял: «концепция сословия как инструмент социального анализа неадекватна и неудовлетворительна для русского общества имперского периода»³. Основная же часть историков, занимающихся проблемой социальной идентификации имперской России, настроены к использованию данного понятия более позитивно. К их числу следует отнести и Алисон Смит, чья монография 2014 г. посвящена сословиям России от начала XVIII в. до 1917 г.

Во введении историк интерпретировала сословия как «социальные категории, регулировавшие права и обязанности отдельных русских (и нерусских)» и отметила, что сословный статус человека определялся по рождению, но мог быть изменён «посредством особого акта либо бюрократической процедуры» (р. 6). При этом Смит сделала важное замечание: «Сословные идентичности были в той же степени географическими, в какой и социальными» (р. 5). В то же время она фактически уклонилась от обсуждения вопроса о том, насколько при-

меним термин «сословие» для описания социальной реальности на протяжении всего имперского периода и почему должен использоваться именно он. Между тем в XVIII в. для описания социальных категорий использовали понятия «чин», «род», «состояние»⁴. Впрочем, последним законодательство нередко оперировало и в XIX в.

Конечно, отметила автор, понятие «сословие» для первой половины XVIII в. «несколько анахронично». Однако затем она заявляет, что «по крайней мере, в Уложенной комиссии, созванной Екатериной Великой в 1767 г., этот термин регулярно употреблялся» (р. 5), и в качестве доказательства сослалась на «Исторические сведения о екатерининской Комиссии для сочинения проекта нового Уложения», подготовленные Д.В. Поленовым. Однако в предисловии к этому изданию Поленов пояснил, что мнения и рассуждения депутатов пересказал «нынешним языком»⁵, т.е. языком середины XIX в. В 1860-е гг. понятие «сословие» действительно использовалось как категория социального описания. Таким образом, исследователь, отказываясь от углубления в дебри истории названий и определений, фактически принимает его как данность для всего имперского периода российской истории.

В первой главе, посвящённой значению сословия, Смит предложила четы-

* *Смит А.К.* Ради общего блага и собственного благоденствия: сословия в императорской России. Нью-Йорк: Изд-во Оксфордского университета, 2014. ix, 278 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

ре способа его раскрытия: как обязанности, возможности, принадлежности и иерархии, подкрепив каждый вариант примерами-казусами, в рамках которых индивиды разъясняли свою мотивацию смены сословного статуса. В отличие, например, от специалистов по истории понятий, она не рассмотрела функционирование «сословия» как части глоссария, использовавшегося в коммуникативном контексте (тогда пришлось бы анализировать весь спектр связанных терминов), предпочитая анализировать конкретные случаи из административных практик, а затем классифицировать полученные наблюдения как его различные значения. На наш взгляд, такой отказ от детального анализа содержания общих категорий, использовавшихся при описании социального порядка на протяжении всего имперского периода, является вполне осознанным.

Рассуждая о сложностях, возникших при исследовании феномена «сословия», Смит отметила: «изучение законов, без внимания к способам, которыми эти законы истолковывались и использовались, игнорирует способы, которыми местные власти и... индивиды договаривались о понятиях» (р. 12). Стараясь избежать такого недостатка, она привлекла делопроизводительную документацию государственных органов и сословных обществ, а также весьма впечатляющую источниковую базу: помимо столичных российских архивов тверские, саратовские, рязанские, латвийские и литовские; опубликованные источники, представленные в основном законодательством, публицистикой и эго-документами.

Для непривилегированных масс, по мнению Смит, сословие «понималось как сеть обязанностей, простиравшаяся между членами сообщества, между сообществами и их членами, и между индивидами и имперским государством» (р. 18). Рассуждая далее о нём как о возможности, исследовательница выделила экономическую сферу, вступление в брак и доступ к образованию. Сословие-принадлежность расценивалось как «культура, занятие, место или роль, к которой принадлежал индивид» (р. 30). Наконец, понимание его

как иерархии зависело от общих представлений, что сословия разделялись по престижности на высшие и низшие. Выделение таких разных способов понимания рассматриваемой категории позволяет автору показать их динамику.

В связи с этим надо отметить, что цитата из источника, помещенная в заглавие монографии, взята из именного указа Екатерины II, данного Сенату 20 октября 1783 г. В нём императрица решала судьбу «оказавшихся при последней переписи разных народов вольных людях»: «Оставляя им свободу избирать такой род жизни, какой сами они за благо разсудят, *на пользу общую и для своего собственного пропитания* (выделено нами. – Авт.); следственно... написать их в купечество, мещанство или в службу государственную, кто куда пожелает и способен явится, а отнюдь их ни за кем не укреплять»⁶. Это весьма символично и показательно. Историк в значительной степени построила свои рассуждения на рассмотрении случаев, когда люди (преимущественно горожане) стремились к изменению сословного статуса. Поэтому, если реализованный в книге подход выглядит весьма перспективным, то предлагаемая в ней схема может оказаться не всегда применимой для других социальных категорий имперского периода.

Задав рамку исследований в начале работы, Смит посвятила следующие три главы последовательному анализу трансформации социального функционирования сословий, построенному по хронологическому принципу. Вторая глава повествует о «законодательных стандартах и административной реальности» от времени правления Петра Великого до начала екатерининской эпохи, третья – о царствовании Екатерины II, Павла I и Александра I и произошедшем в тот период переходе «от ограничений к свободам» (р. 79). Наконец, четвёртая глава рассказывает о предреформенной России – империи при Николае I. Эти три главы, формирующие хронологически целостный очерк, концентрируют внимание на проблеме смены сословного статуса, а также на контроле за допуском новых членов в состав сословных групп.

Пятая глава завершает хронологическую линию повествования, рассказывая о «жизни и смерти сословий в пореформенной России». Здесь рассмотрены в основном вопросы взаимодействия между государственными органами и сословными обществами, в частности, проанализированы материалы обсуждения, организованного Министерством внутренних дел в 1896 г. по вопросу о роли и месте сословий в системе управления. В конце главы историк впервые в своём исследовании обратилась к сфере общественной мысли, однако результат этой попытки оставляет противоречивые чувства. Так, Смит отметила, что в начале XX в. высказывались идеи о ликвидации сословной системы. Ссылаясь на две работы 1907 г., принадлежавшие Л. Сокольскому (ошибочно названному «Р. Sokal'skii») и И. Любчетичу, она сделала вывод: «даже кажущееся радикальным предложение по уничтожению сословий во имя равенства перед законом исходило из представления о социальном мире, состоящем из различных частей, иные из которых имеют больше прав, нежели другие» (р. 149).

Но в стране, которая пережила в 1905–1907 гг. настоящую революционную бурю и где отдельные политические партии, получившие места в Государственной думе, ставили своей целью полную ликвидацию сословной структуры (как, например, было зафиксировано в пункте 7 программы РСДРП⁷), тексты Любчетича и Сокольского вряд ли могли поражать радикализмом. На основании анализа двух этих работ нельзя делать широкие выводы о том, как эта структура воспринималась в сфере публичной политики. Конечно, данное направление исследования не было основным для работы Смит, посвящённой главным образом вступлению индивидов в городские сословные группы и связанным с этим практикам. Однако, как показывает рассмотренный случай, избирательный подход автора накладывает ограничения и на выводы, сделанные в работе.

Две последние главы посвящены рассмотрению отдельных аспектов существования сословий в пореформенной России. Отведя одну из них эволюции коллективной ответственности в ту эпоху,

автор пришла к выводу: «членство в условиях эволюционировало к позднему имперскому периоду от чего-то, основанного прежде всего на обязанности индивида перед обществом, к чему-то, основанному прежде всего на обязанности общества перед своими членами» (р. 150). Для городских сословий это было связано со сферой социальной защиты (здравоохранение и призрение), для крестьянства же главный вопрос заключался в доступе к земле. Историк указала, что такое изменение коллективной ответственности вступило в конфликт с тем, как правительство стало понимать «сословие». Сословный статус к концу имперского периода утратил связь с выполнением государственных повинностей и сословие стало скорее средством категоризации населения, чем совокупностью локализованных сообществ, впрочем, продолжавших играть реальную роль в жизни своих членов.

Последняя глава «Сословие в контексте историй жизни» посвящена рассмотрению роли, которую оно играло в судьбах конкретных индивидов – например, выходца из сибирских крестьян Н.М. Чукумалдина или вятского купца К.И. Клепикова. Суммируя полученные наблюдения (опять-таки основанные преимущественно на изучении документов, связанных со сменой статуса), Смит пришла к выводу, что «согласно мемуаристам.., сословие не было для них ничем. После получения нового статуса они, очевидно, счастливо жили новой жизнью, не особо задумываясь о своём происхождении. Но... порой сословие означало всё. Когда оно ограничивало образовательные возможности, или когда внезапно требовало страшившей службы, оно обладало силой радикально менять жизнь людей» (р. 205).

Действительно, если изучать сословие с позиции тех, кто собирался его покинуть, такие наблюдения можно признать справедливыми. В то же время приходится констатировать, что из-за чрезмерной увлечённости автора такими казусами в монографии фактически без рассмотрения остались те, кто, не собираясь менять статуса, активно участвовал в жизни своего сословия. Соответственно, у читателя могут возникнуть вопросы, на кото-

рые он не найдёт ответов в исследовании. Например, имело ли сословие значение при выборах в органы сословного самоуправления; при подаче отзывов и прошений представителям власти при занятиях благотворительностью⁸? Представляется, что имело. В связи с этим можно сказать, что Смит недостаточно исследовала проблематику «сословие как корпорация» и «сословие как коллективный актор».

Безусловно, монография Смит вносит ценный вклад в изучение роли сословий в истории России. Она показывает, что люди вкладывали в социальные феномены разные значения, которые могли актуализироваться в тех или иных условиях. Кроме того, можно согласиться с автором в том, что сословия необходимо изучать не только на основании законодательства, но и с привлечением других видов источников. В то же время не стоит абсолютизировать выводы, получаемые на основании определенного типа социальных событий, каким в рассматриваемой работе выступает процесс изменения сословного статуса. Конечно, оно было важным для конкретных индивидов, но отнюдь не являлось единственной заботой членов сословных сообществ! Автором рассмотрена проблема формирования государственной политики, однако её анализ не выглядит цельным. Если оценивать работу в связи с заглавием (содержащим цитату, в оригинале звучащую как «на пользу общую и для своего собственного пропитания»), то можно прийти к выводу, что она посвящена скорее «собственному пропитанию» отдельных людей, чем «общему благу», представляющему в виде своеобразного административно-правового ландшафта, который эти люди с переменным успехом осваивали.

Примечания

¹ См., например: *Wirtschaftler E.K.* Social categories in Russian imperial history // *Cahiers du monde russe*. 2009. Vol. 50. № 1; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010; *Соколова Е.С.* Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство). Екатеринбург, 2011; *Kamenskij A.* Do we know the composition of the 18th century Russian society? // *Cahiers du monde russe*. 2014. Vol. 55. № 1–2.

² *Филд Д.* Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861–1917: материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 67, 77.

³ *Confino M.* The *soslovie* (estate) paradigm. Reflections on some open questions // *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 49. № 4. P. 693.

⁴ См.: *Виноградов В.В.* Историко-этимологические заметки. IV // *Этимология*. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968. С. 133–137; *Шурле И.* Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012.

⁵ *Поленов Д.В.* Исторические сведения о екатерининской Комиссии для сочинения проекта новаго Уложения. СПб., 1869. С. XXII.

⁶ ПСЗ-I. Т. 21. № 15853. С. 1025.

⁷ Сборник программ политических партий в России. СПб., 1905. С. 28.

⁸ См., например: *Кизеветтер А.А.* Гильдия московского купечества. Исторический очерк. М., 1915; *Куприянов А.И.* Культура городского самоуправления русской провинции. 1780–1860-е годы. М., 2009. С. 185–188, 195; *Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века*. М., 2003. С. 268–271, 303–306.